

References

1. Yaspers, K. (1991). *Smysl i naznachenie istorii*. Moscow: Izd. Polit. lit.
2. Sannikova, O. V. (n.d.). Transformatsiya sodержaniya professionalnogo sotsialno-gumanitarnogo obrazovaniya: sotsiologicheskiy analiz [Elektronnyy resurs]. Retrieved from <https://www.dissercat.com/content/transformatsiya-soderzhaniya-professionalnogo-sotsialno-gumanitarnogo-obrazovaniya-sotsiolog>
3. Mannheim, K. (1994). *Diagnos nashego vremeni*. Moscow: Izd. Yurist.
4. Mills, C. (1998). *Sotsiologicheskoe voobrazhenie*. Moscow: Izd. Strategiya.
5. Puzikov, V. (2008). Sotsiologicheskoe obrazovanie v vuze: zadachi i problemy. *Vysshee obrazovanie v Rossii*, (6), 106–109.
6. Rol' sotsialno-gumanitarnykh distsiplin v formirovanii i razvitii sotsialno-lichnostnykh kompetentsiy studentov. (n.d.). [Elektronnyy resurs]. Retrieved from <http://bibliofond.ru/view.aspx?id=564963>

УДК 141.32

К ФЕНОМЕНОЛОГИИ ЧЕЛОВЕКА

Жусупова Б.Ж.

доктор философии (PhD), ассистент-профессора кафедры философии и теории культуры,
Карагандинский национальный исследовательский университет им. Е. А. Букетова,
Караганда, Казахстан
e-mail: zhusupova2013@mail.ru

Своей философией Бисембай Ергалеевич неизменно напоминал: человек - это не орудие и не инструмент цивилизационного развития, не тело в пространстве, а душа во времени. Время доминирует над пространством как процесс, как живой источник жизни и творчества. Человек живёт во времени, и благодаря времени в нём не иссякает источник развития и жизненного потенциала. Пространство же статично и устойчиво. Как утверждает Бисембай Ергалиевич, «тайна философии Гегеля в его книге «Феноменология духа». Моя феноменология духа – это «Хроно-топос человека». Это философия человека, который представляем во вселенском состоянии с приоткрывающейся душой во встрече времени отсюда-сюда. Душа в духе опосредствует разум в «ничто» и из «ничтошной точечности» человек раскрывается, возвышаясь в душевно-духовном самостоянии» [1, с. 3]. «Предназначение человека, таким образом, усматривается обратно к познанию в мире. Оно, конечно, подмечается в самопознании как он «не есть» из вечности, но как таковое открывается во вдохновении с испытываемым возвращением к ней в конечной истине души из заблуждений наяву и предупреждений во сне. Постигание времени открывает возможности для человека в пространстве, которые достижимы в этом мире» [1, с.23].

В «Хроно-топосе человека» присутствует идея о том, что в современной философии проблема человека всё чаще формулируется не как вопрос о его сущности в абстрактном, метафизическом смысле, а как проблема способа существования, формы присутствия в мире, способа бытийствования. Человек перестаёт пониматься как завершённая субстанция или совокупность устойчивых свойств и всё чаще осмысливается как процесс, как открытое становление, как напряжённое событие между возможным и действительным. Именно в этом контексте монография Б. Е. Колумбаева «Хроно-топос человека» занимает особое и методологически значимое место, предлагая оригинальный подход к философской антропологии. Автор рассматривает человека не как сумму биологических, социальных или психологических характеристик, а как узел смыслов, возникающий и разворачивающийся в пересечении времени и пространства.

Что такое время? По мысли философа, время есть в мире, но как именно оно воспринимается человеком - до конца не ясно. Чувственно ли, интеллектуально ли, или же каким-то иным образом - это остаётся открытым вопросом. Однако несомненно одно: человек неравнодушен ко времени, и это его отношение к нему постоянно сквозит в человеческом существовании. Особенно ясно это проявляется в искусстве. «Именно поэтому и неопределённость времени, и условность души - такие «вещи», над которыми человек, если он хочет быть человеком, должен задумываться, беспокоиться и внутренне волноваться. И в отношении самого себя в мире, и в отношении того, чем он как будто пронзается свыше, - ради того, чтобы его бытие складывалось как призвание, а не растворялось в суетолоке повседневности» [1, с.102].

То, что время дано в искусстве, обнаруживается душой через его духовность. По мысли Колумбаева, душа соприкасается с вечностью во времени поэтически - и на это существуют

свидетельства самих поэтов, в том числе Пушкина. Поэтому проблема заключается не столько во времени как таковом, сколько в его испытании в душе - в обнаружении и обозначении человеком своего отношения и даже сопричастности к вечности. Ни души, ни времени нет без творчества. Но ведь и человека как такового нет в мире: он исчезающе мал, если в его душе нет отношения к вечности. Да, время является необходимостью, и мы узнаём о нём через отпадения уже произошедших случаев. При этом мы часто пренебрежительно отворачиваемся от этих случаев - либо рационально игнорируя их, либо вновь укладывая их в рамки необходимости, которая «почему-то», «бог его знает как» или «чёрт попутал», проявилась именно как случай. Но так или иначе время как необходимость стихийно случается, двигаясь туда-сюда, и, по-видимому, затрагивает душу, хотя и минует разум. Именно поэтому случай оказывается не просто поводом, а вызовом к творчеству.

Само же творчество начинается как перевод и настройка: «из случайности - в свободу, чтобы не быть вновь уложенным в прокрустово ложе необходимости, от которой оно когда-то отпало во времени. Здесь душа и общается с вечностью в свободе, и в этом человек творится. Иначе говоря, из случайности и необходимости рождается свобода - свобода быть необходимым самому себе для вечности. Это и есть то, что обозначается в творчестве как представление человека перед вечностью. Человек, исходя из души, от души, предлагает себя во вселенной как возможную необходимость бытия, но не в форме формального подношения, а в самопожертвовании душой» [2, с. 49].

Обращение к категории хронотопа, заимствованной из философско-литературного наследия М. М. Бахтина, у Колумбаева приобретает принципиально иное содержание. Хронотоп перестаёт быть инструментом анализа художественного текста или формальной структуры повествования и превращается в онтологическую характеристику человеческого бытия. Он становится способом описания того, как человек присутствует в мире, как он переживает своё существование, как соотносит себя с прошлым, настоящим и будущим в конкретных пространственных условиях культуры, истории и духовной традиции.

Ключевой тезис философии Колумбаева заключается в утверждении, что человек существует не во времени и пространстве как во внешних, нейтральных координатах, а через них. Время и пространство не предшествуют человеку и не следуют за ним как некие готовые формы - они раскрываются и обретают смысл в самом человеческом бытии. В этом понимании хроно-топос не является ни физическим временем, измеряемым часами, ни геометрическим пространством, описываемым координатами. Он также не сводится к субъективному психологическому переживанию. Хроно-топос представляет собой экзистенциальную форму присутствия человека в мире, благодаря которой человек оказывается включённым в историческую и культурную ткань бытия и несёт ответственность за способ своего существования.

Особое место в монографии Колумбаева занимает анализ души как посредника между телесным и духовным измерениями человеческого существования. Автор последовательно отказывается от редукционистских моделей, в которых душа либо полностью растворяется в психических процессах, либо абсолютизируется как отвлечённая метафизическая сущность, оторванная от живого человеческого опыта. В концепции хроно-топоса душа мыслится как динамическое начало, обеспечивающее внутреннюю связь времени жизни и пространства опыта. Именно душа соединяет телесную укоренённость человека в мире с его духовной устремлённостью за пределы наличного. Самопознание в этой перспективе понимается не как замкнутое движение сознания внутрь самого себя и не как чисто рефлексивный акт, а как онтологическое событие, в котором человек выходит за пределы индивидуальной ограниченности и соотносит своё личное существование с универсальными измерениями бытия. Индивидуальное время жизни оказывается вписанным в историю, культуру и даже космический порядок, а самопознание становится формой со-бытия человека с миром [1].

Философ подвергает критике линейное и инструментальное понимание времени, характерное для технократической цивилизации, в которой время редуцируется к ресурсу, подлежащему рациональному использованию и контролю. В его концепции время предстает не как простая последовательность моментов, а как горизонт раскрытия смысла человеческого существования. Прошлое не исчезает бесследно, а сохраняется в памяти, традиции и культурной преемственности; будущее не задано заранее, но остаётся открытым в пространстве ответственности, выбора и надежды. Настоящее же мыслится как точка экзистенциального напряжения, в которой человек либо утверждает свою духовную свободу, либо утрачивает её, растворяясь в повседневности и безличных структурах. Такое понимание времени сближает философию Колумбаева с экзистенциальной традицией, прежде всего с работами М. Хайдеггера и Н. Бердяева, однако при этом сохраняет самостоятельность и оригинальность. Время у Колумбаева не замыкается на индивидуальном существовании, но всегда соотносено с пространством культуры, нравственных ценностей и духовного опыта.

Пространство в хроно-топосе человека также претерпевает радикальное переосмысление. Оно перестаёт быть нейтральной сценой, на которой разворачиваются человеческие действия, и превращается в форму бытийной реализации человека. Пространство становится пространством ответственности, творчества и нравственного выбора. Человек не просто занимает пространство физически - он осваивает его смыслом через культуру, труд, созидание и моральное действие. В этом смысле пространство оказывается продолжением внутреннего мира человека, его духовных усилий и экзистенциальных решений, а не внешней оболочкой или фоном существования.

Существенным аспектом философской концепции Колумбаева является утверждение невозможности редукции истины человеческого бытия к рационально-логическим моделям. Истина раскрывается не только и не столько в логической доказательности, сколько в экзистенциальном опыте совести, в стремлении к добру, в способности к жертве и героизму. Эти категории не рассматриваются как субъективные или вторичные по отношению к объективному знанию. Напротив, они образуют ядро хроно-топоса человека, без которого человеческое существование утрачивает глубину, направленность и духовное измерение. Хронос и топос, время и пространство, являются посредниками между человеком и вечностью. Все философские подразделения ломаются самим человеком в творчестве, потому что он рвётся от себя во вселенную. Его состояние синкретично: эстетика есть этика, этика - гносеология, гносеология - онтология. И всё, что о нём говорится, говорится как будто не о нём. Его несказанность вселенская, а не локальная. Это намёк на вечность. «Но этот намёк дан нам душой - если только она в нас пробудилась. Вечность обозначается в душе, касается её напрямую. Это и есть вдохновение, а тем более интуиция как сверхразумное, чувственное видение-усмотрение» [1, с. 211].

Эта философская установка не оставалась для Бисембая Ергалеевича Колумбаева отвлечённой теоретической позицией - она была способом его мышления и существования. Поэтому в «Третьем человеке» философ отмечает, что «человек - не застывшая форма, а движение человека, в котором одно непрерывно сменяет другое: дочеловеческое - человеческое - сверхчеловеческое. Это движение не имеет окончательной точки и не допускает остановки. Оно разворачивается как путь, как внутренний процесс, в котором человек постоянно преодолевает самого себя. И всё это совершается во славу человечества как целого, а не во имя отдельного индивида» [3, с. 84]. Здесь человек мыслится как субъект-субстанция, как носитель и источник бытия и смысла. Поэтому необходимо искать вход в человечество, чтобы затем выйти из него к новым формам свободы, а не пытаться протаскать в человечество собственные интересы, притязания и самоутверждение. Никаких преимуществ перед другими не существует вообще и существовать не может. Там, где человек допускает мысль о превосходстве, он заранее губит себя и тем самым лишает себя возможности стать человеком.

Несказанность человека заключается именно в исполнении долга перед миром людей. Она не в исключительности, не в таланте и не в гениальности, а в способности к самоотдаче. Несказанность - это и есть самоотдача, доведённая до предела. Следовательно, дочеловеческое представляет собой обособленность человека по отношению к другим, его замкнутость в себе, арифметическое, счётное отношение к окружающим, когда каждый другой становится величиной, подлежащей учёту. И дело не в том, что существует личность, а рядом с ней существуют другие, которым эта личность должна себя отдавать. Подобное противопоставление само по себе ещё принадлежит дочеловеческому состоянию, поскольку предполагает расчёты с миром, соизмерение усилий, выгод и потерь. Дочеловеческое находится очень близко к человеку, почти совпадает с ним, но именно в нём ещё нет самого человека как человека.

При этом для того, чтобы быть человеком, необходимо прикладывать усилия, которые по своей напряжённости выходят за пределы человеческого. Быть человеком - значит постоянно превосходить себя, выходить за границы собственной данности. Вход в человеческое возможен лишь как выход к сверхчеловеческому, как преодоление себя в направлении другого. Всякое же сравнение себя с другими - зависть, тщеславие, самолюбование - не только не приближает человека к человечности, но неизбежно отбрасывает его обратно к дочеловеческому состоянию. Следовательно, человеческое, человечность - это не благодать, ниспосланная свыше, не естественное свойство, а тяжёлый, непрерывный труд ума и сердца, требующий постоянного напряжения, ответственности и внутренней дисциплины [3, с. 202].

Как продолжение, дальнейшее расширение, углубление идей «Хроно-топоса» (2021г.) выходит в свет фундаментальный труд Б.Е.Колумбаева - «Антроподицея» (2024 г.). Название монографии, обозначающее оправдание человека аналогично термину «теодицея» - оправдание Бога. Но если теодицея отвечает на вопрос «Как возможен Бог при наличии зла?», то антроподицея ставит иной, не менее острый вопрос: «Как возможен человек - со злом, слабостью, насилием, ошибками - и имеет ли он право на существование?» [4, с. 216]. Речь идёт не о снятии ответственности, а о поиске основания

человеческой ценности как таковой. Современный человек оказался в парадоксальном положении: с одной стороны, он обладает знанием, техникой и властью, с другой - утратил уверенность в собственном смысле. Человек всё чаще мыслится как биологический механизм, как социальная функция, как статистическая единица, и в такой картине мира сам вопрос о достоинстве человека становится проблематичным. Именно здесь возникает антроподицея как попытка философски ответить на вопрос, почему человек - несмотря ни на что - остаётся ценностью.

Колумбаев не ищет оправдания человека ни в разуме, ни в прогрессе, ни в социальной полезности. Он предлагает более глубокий критерий: человек оправдан самим фактом духовного усилия быть человеком. Антроподицея Колумбаева строится на трёх основаниях. Человек не завершён: он является существом становления, а не готовым результатом. Человек способен к самопревосхождению: даже осознавая зло, он может ему противостоять. Человек живёт в горизонте ответственности: он не просто существует, а отвечает за своё существование. Антроподицея напрямую связана с концепцией хроно-топоса человека. Человек оправдывается не вне времени и пространства, а внутри конкретной жизни. Это означает, что он ошибается во времени, страдает в пространстве, но именно там же способен к смыслу. Колумбаев подчёркивает, что человека нельзя судить вне его хроно-топоса - вне его эпохи, судьбы, культурной и исторической ограниченности. Антроподицея здесь представляет собой признание того, что человеческая конечность не отменяет человеческого достоинства.

Важным аспектом является то, что антроподицея у Колумбаева не отрицает зло. Наоборот, зло признаётся реальностью, трагичность - не исключение, а норма человеческого бытия. Именно в этом и заключается парадокс: человек оправдан не потому, что он безгрешен, а потому, что он осознаёт трагичность своего положения. Способность переживать вину, стыд и совесть не является слабостью, а представляет собой онтологическое преимущество человека. Ключевая идея Колумбаева состоит в том, что оправдание человека невозможно без ответственности. Если человек снимает с себя вину, перекладывает ответственность на обстоятельства или отказывается от внутреннего суда совести, антроподицея рушится.

Таким образом, человек оправдан ровно настолько, насколько он способен отвечать за своё бытие. Эта позиция сближает Колумбаева с экзистенциальной философией, но без нигилизма и без отказа от духовных оснований. В условиях технократического мышления, алгоритмизации жизни и утраты духовных ориентиров антроподицея становится философским сопротивлением. Она утверждает, что человек не сводим к функции, не исчерпывается ролью и своими ошибками. Не в смысле вседозволенности, а в смысле открытости к смыслу и преобразованию. Антроподицея в философии Б. Е. Колумбаева не является оправданием человека «любой ценой», а представляет собой глубокое утверждение: человек достоин бытия, потому что способен нести его тяжесть осознанно.

Бисембай Ергалеевич Колумбаев часто повторял: Я не ученый, я Философ. Философия – не наука. Многому надо учиться у детей, потому что у взрослых всё поставлено с ног на голову. Взрослея, мы начинаем становимся самоуверенными, глухими к новому, кичимся знаниями и утрачиваем способность удивляться. Философии, по его глубокому убеждению, нельзя научить и тем более нельзя просто преподавать. Можно лишь пробуждать в человеке способность задавать вопросы, поддерживать интерес, вызывать внутреннюю тревогу мысли. Философия не зависит напрямую от объёма знаний и формальной образованности. Недаром Сократ говорил: «Я знаю, что ничего не знаю».

Мысль, подчёркивал он, это не «я-мысль», не выражение эго и эгоцентризма. Истинная мысль всегда выходит за пределы самости. Необходима глубокая мысль, но сама по себе мысль не бывает «высокой», высокими бывают надежды. В философии, как он любил говорить, необходимо проводить археологические работы, о чём писал Мишель Фуко: язык и знания изнашиваются, обесмысливаются, устают, исчерпывают себя и исчезают. И задача философа раскапывать утраченные смыслы, возвращать словам и понятиям их подлинную глубину.

Список литературы

1. Колумбаев, Б. Е. Хроно-топос человека. – Караганда : Изд-во НАО Карагандинский университет им. акад. Е.А. Букетова, 2021. – 318 с.
2. Колумбаев, Б. Е. К творчеству...!? Очерки творчества по вселенскому предназначению человека : монография / Б. Е. Колумбаев. – Караганда : Изд-во «Карагандинский университет Букетова», 2022. – 631 с.
3. Колумбаев, Б. Е. Избранные труды : в 2 т. Т. 1. Третий человек: поиск, установление, преодоление человеческого в человеке. – Караганда : Изд-во КарГУ, 2011. – 269 с.
4. Колумбаев, Б. Е. Антроподицея : монография / Б. Е. Колумбаев. – Караганда: Изд-во Карагандинского национального исследовательского университета им. акад. Е.А. Букетова, 2024. – 491 с.